

RU

Трансформация исторического повествования в рамках развития отечественной философско-исторической мысли XVIII-XIX веков

Эльдарион А. А.

Аннотация. Цель исследования – опередить характер изменений форм и способов повествования о прошлом в отечественной исторической мысли XVIII-XIX веков. В статье рассматриваются различные формы нарратива и их влияние на формирование исторического сознания общества. Научная новизна исследования заключается в комплексном философском анализе жанровых форм исторического нарратива. Полученные результаты показали, что отечественная историческая мысль в своем развитии не теряла связи с нарративными стратегиями повествования. С одной стороны, смыслообразующими формами исторической наррации являлись эго-документы, с другой – исторический роман.

EN

Transformation of Historical Narrative within Development of the Russian Philosophical and Historical Thought of the XVIII-XIX Centuries

Eldarion A. A.

Abstract. The paper aims to identify specificity of historical narrative transformations in the Russian historical thought of the XVIII-XIX centuries. The article examines different types of narration and their influence on formation of collective historical consciousness. Scientific originality of the study involves a comprehensive philosophical analysis of historical narrative forms. The findings indicate that the Russian historical thought developed within narrative tradition; ego-document and historical novel were prevalent forms of historical narrative.

Введение

Актуальность темы исследования продиктована духом времени, в новом тысячелетии проблема прошлого требует к себе внимательного отношения. Вопрос о роли исторического нарратива в формировании исторического сознания общества до сих пор является открытым и дискуссионным. Не секрет, что при кризисе идентичности в настоящем общественное сознание обращается к прошлому в поисках этой самой идентичности. Современное, в первую очередь российское, общество нуждается в формировании четкого исторического сознания, эта нужда заставляет актуализировать исторические события в настоящем. Как результат, множество трактовок и мнений рождает в обществе разногласия по поводу того или иного события в прошлом и влияния его на настоящее. Авторская позиция заключается в том, что именно понимание истории как повествования о прошлом, с акцентом на коммуникативную составляющую исторической репрезентации, способно привести общественное сознание к согласию. Отсюда видится необходимым обратить свой взгляд на историю вопроса.

Согласно поставленной цели были определены следующие задачи: во-первых, проследить логику развития представлений о различных формах нарратива в общественном сознании России XVIII-XIX веков, во-вторых, выявить специфические особенности этих форм в рамках отечественной исторической мысли указанного периода.

Для достижения поставленной цели и выполнения задач были применены сравнительно-исторический, структурно-функциональный и герменевтический методы. Теоретическую базу исследования составили работы Т. В. Артемьевой [2], А. Б. Каменского [4], И. В. Силантьева и Е. К. Созиной [8], в которых раскрываются философские основания отечественной исторической мысли. Помимо этого, работы В. С. Парсамова [5] и Е. Н. Пенской [6] позволили раскрыть специфику исторического повествования в России рассматриваемого периода.

Практическая значимость работы заключается в том, что проанализированные в статье жанровые формы исторического повествования и актуализация исторического наследия с ориентацией на применение различных нарративных стратегий находят свое выражение в современной педагогической и просветительской деятельности. Та теоретическая база, которая была очерчена в работе, может быть использована в рамках практической организации просветительской деятельности как коммуникативного события в рамках приобщения широкой аудитории к изучению истории своей страны.

Формирование отечественной традиции историописания

Подходя к характеристике исторического повествования в рамках отечественной традиции приобщения к истории, стоит отметить, что окончательно концепция исторического познания сформировалась в XVIII веке, в так называемый «век Просвещения». Тем не менее является очевидным то, что до XVIII века также существовали свои собственные не столько концепции исторического познания, сколько способы представления прошлого и о прошлом, которые мы можем назвать нарративными. Историческое повествование в России изначально сводится к летописи. Летопись как одна из форм повествования о прошедших событиях имеет общие черты как с мифом, так и со средневековым эпосом. Летописи можно назвать нарративным корпусом исторического повествования, так как летопись обладает характерными чертами нарратива, пускай и в зачаточном состоянии. Летопись является письменным источником прошлого, зафиксированного в тексте, если текст понимать как канал коммуникации, то его можно охарактеризовать по нарративной схеме: событие-автор-текст-читатель. Данная схема является ключевой характеристикой нарратива, «текста для других», который не замыкается на «тексте для себя». В любом случае, будь то летописи или позднее хронографы, они являлись надежной основой для формирования исторического знания на отечественной почве. Время появления и развития непосредственно исторического знания, но все же сохраняющего нарративные черты, как было указано, приходится на эпоху Просвещения.

Особенно яркую форму, как указывает Т. В. Артемьева, становление нового исторического знания приняло во второй половине XVIII века, которая стала «эпохой исторического фундаментализма» [2, с. 6]. Это была эпоха своеобразного перехода от летописи к истории, концептуализации исторического повествования и теоретического обоснования базиса социальной мифологии. Согласно Т. В. Артемьевой, историософская мысль не нашла своего выражения в специальных наукообразных трактатах. «Она была расщеплена в “текстах культуры” и выражалась в формах “политического романа”; “восточной повести”; “письма к правителю”; комментированного перевода, маргиналий, социально-политической утопии и т.д.» [Там же, с. 15]. Здесь четко прослеживается значимость нарративно организованных текстов, так как именно они насыщены историософскими идеями. Для современного исследователя в данном случае как раз будут интересны и содержательны именно художественно-публицистические жанры, государственные документы и манифесты, мемуары, дневники и пр. Важнейшим источником, который иллюстрирует исторический нарратив данной эпохи, являются «исторические сочинения», представляющие собой творческое осмысление исторических событий и преамбулы к ним. В таких преамбулах зачастую обосновывались теоретическая позиция историка, его отношение к событию и интерпретация. В XVIII веке произошли принципиальные изменения в понимании истории, эти изменения нашли свое выражение как в форме, так и в содержании. Исторически ограниченное, где-то мифологическое летописное повествование, характерное все же для средневекового сознания, уступило место собственно «историческому сочинению». По словам М. А. Алпатова [1], многие из петербургских академиков-немцев начали освобождать древнейшую русскую историю из «тумана легенд», они более или менее пытались утвердить принципы критической историографии.

Однако даже академический подход к пониманию прошедших исторических событий не позволил отечественной исторической мысли полностью отделиться от связи с повествованием. Историческая мысль России периода XVIII-XIX веков – это все еще миф, хотя и в академическом очертании. Свое выражение он находит все в том же «историческом сочинении», «сочинителем» которого является, по выражению Т. В. Артемьевой, «дворянин-философ» [2, с. 127], именно этот социальный тип является смыслообразующим элементом исторического сознания этого времени. Именно «дворянин-философ» является неотъемлемой частью этой эпохи, так же как является неотъемлемой частью того комплекса повествовательных инстанций, которые задают условия возможности и дают нам право говорить о том, что в рассматриваемый период отечественная историческая мысль существовала только в тесной связи с нарративом.

Формирование представлений о прошлом и актуализация исторических событий происходили за счет приращения в них правдоподобного художественного вымысла, что в исторической культуре России XVIII-XIX веков не мыслилось чем-то недопустимым. Наоборот, ретроспективный и гипотетический психологический анализ видится чуть ли не единственным методом понимания и описания поступков людей в прошлом. Таким приемом пользовался и Н. М. Карамзин, создавая для персонажей своей «Истории государства Российского» специфический эмоциональный фон. Н. М. Карамзин использовал свое художественное мастерство и научную интуицию для описания внутреннего мира участников исторических событий. С нашей точки зрения, именно деятельность Н. М. Карамзина на историческом поприще как представителя просвещенного дворянства является хорошим примером, который позволяет нам говорить об историческом нарративе как о конструкте, порождаемом структурой социальных коммуникаций. Здесь важным элементом является не только

историк, изучающий свидетельства и создающий исторические работы, но и аудитория, которая получает исторические сведения. Речь идет о следующей структуре, объединяющим элементом которой и является исторический нарратив: историческое событие – историк («автор», «нарратор») – аудитория («читатель», «нарратор»). Работы Н. М. Карамзина являются одним из примеров ориентации исторического повествования на конкретного читателя, что в свою очередь ставит перед ним как историческим автором специфические задачи. «История» Н. М. Карамзина – это мир, пропущенный через автобиографическую фигуру путешественника, где между читателем истории и самим Карамзиным встает фигура повествователя. В. И. Тюпа считает, что «логос наррации карамзинского повествования – это эмблематический логос, состоящий в обращении с языковыми знаками как знаками с готовым смыслом (концептом). Такие знаки, сохраняя один и тот же смысл, могут прилагаться к различным денотатам» [10]. В. С. Парсамов отмечает, что немаловажным фактором в формировании исторического читателя стал созданный Н. М. Карамзиным слог исторического повествования [5, с. 229–230]. Автор утверждает, что Н. М. Карамзин практически осознал, что историк имеет дело не с событийно-фактическим рядом как таковым, а с текстами, отражающими этот ряд. Отсюда задача Н. М. Карамзина как повествующего о прошлом заключается в интерпретации этих текстов и во включении их в круг современного ему культурного сознания. Как интерпретатор, он стремится сблизить сознание древнего летописца с психологическими открытиями романтизма. Н. М. Карамзин ни в коем случае не противопоставляет свой взгляд академической истории, он не монополизирует право на историю, хотя его можно назвать первым историком с массовой аудиторией. В его «Истории» просматривается предложение читателю сравнить его рассказ о далеких событиях прошлого с рассказом о них же в других произведениях. При этом читатель, замечая в этих рассказах совпадения и различия, актуализирует для себя «здесь и сейчас» события прошлого как актуальное настоящее, что делает его включенным в поле коммуникативного взаимодействия с рассказчиком и самой историей.

Из всего вышесказанного не следует, что до Н. М. Карамзина в России не было исторического нарратива как такового, а в русском обществе не интересовались историей, и историки писали «для себя». Понимание прошлого в допетровской Руси основывалось на своеобразии и поэтике летописного текста и на определенном характере переосмысления отечественными авторами библейских сказаний. Летописный текст и библейские сказания на тот момент были единственными источниками, которые позволяли выстроить определенное отношение к событиям и обстоятельствам своего прошлого. Давая характеристику способу исторической наррации этого периода, важно отметить, «что в допетровский период какие-либо исторические сведения общенационального характера вообще были достоянием крайне ограниченной группы грамотных людей... Для элитарных слоев Московской Руси история сводилась по большей части к истории рода, имевшей утилитарное значение...» [4, с. 39]. Но даже для восприятия сочинения Н. М. Карамзина более широким кругом читателей «были также необходимы своеобразная историзация сознания образованных слоев и рефлексия по поводу недавнего прошлого, закрепленная в дворянской памяти деятелей “золотого века” о событиях минувшего...» [3, с. 21]. В дальнейшем отечественная традиция историописания развивается с учетом тенденции к изменению самой структуры повествования, происходит литературизация исторического нарратива.

Трансформация жанровых форм отечественного историописания

Историческая мысль России уже XIX века характеризуется развитием новых жанровых форм исторического нарратива: от эпистолярного жанра до исторического романа. В первой половине XIX века русской исторической беллетристикой был совершен существенный рывок вперед, который «произошел благодаря некоторому освобождению от зачарованности Карамзиным» [6, с. 418]. После работ Н. М. Карамзина ключевыми историческими нарративами становятся, с одной стороны, нарративы личного происхождения, письма, дневники, мемуары, с другой – исторический роман. Источники, отнесенные на Западе к «эго-документам», отечественной исторической мысли были хорошо знакомы. К началу XX века в России число публикаций записок, дневников, воспоминаний, писем и путевых заметок приближалось к нескольким тысячам [9], это не считая пишущих «в стол» провинциальных и не только провинциальных интеллектуалов России XVIII–XIX веков.

В рамках отечественной исторической мысли XIX века ярким примером такой формы исторического нарратива являются дневники А. Герцена, которые характеризуются как «документально-исторический и автобиографический нарратив» [8, с. 67]. Отнести его произведения к имеющим сугубо исторический, философский или художественный характер не представляется возможным. Его тексты имеют изначально пограничный характер, с одной стороны, они документальны, с другой – имеют художественно-эстетическую наполненность. И. В. Силантьев и Е. К. Созина отмечают, что автобиографизм, черты дневника, исповеди и пр., отличает все произведения Герцена, в том числе и его письма к сестре, невесте и друзьям [Там же, с. 63]. Письма-дневники, дневники-воспоминания, письма-мемуары являются неотъемлемой частью отечественной исторической наррации рассматриваемого периода. В данном случае отчетливо видна условность границ между дневником и другими нарративами личного происхождения – перепиской, мемуарами и т.п. Темы дневников А. Герцена многочисленны, в них можно увидеть политическую жизнь России, жизнь идей, его размышления по поводу истории, философии религии, семейную жизнь и его личные страдания и радости. По словам И. В. Силантьева и Е. К. Созиной, в его дневниках можно проследить отношение как к «большой», так и к «малой» истории [Там же, с. 63–64]. Рассуждения авторов подводят нас к уверенности в том, что дневниковые записи А. Герцена имеют непосредственный статус нарратива. Появление дневникового нарратива возможно

связать с высокой рефлексивной зрелостью эпохи. В России появляется культурно оформившаяся личность и возникает личное пространство человека, местом выражения которого и является дневник.

Помимо дневников к своеобразным формам исторической наррации можно отнести мемуарную литературу и исторический роман как высшую форму исторического нарратива того времени. В России XIX века мемуарная литература развивалась практически одновременно с историческим романом. Как указывает Е. Н. Пенская, отсутствие в русском обиходе культурной памяти, регулярной привычки вести записки, дефицит и позднее обретение «вспоминательных навыков», воспоминания как постоянная историческая практика – все это стало «разрыхлителем романной почвы» [6, с. 431]. В этот период особо остро сказывалось отсутствие необходимых исторических свидетельств, воспоминаний, которые бы уводили современника в желаемую историческую ситуацию. Поэтому следующий виток развития отечественной исторической наррации можно наблюдать именно в кульминационном развитии русской исторической романистики. Русский исторический роман как форма исторической наррации, по сравнению с европейским, развивался с небольшой, но задержкой. Такое запаздывание подогревало интерес публики, уже знакомой с новым жанром благодаря многочисленным переводам книг В. Скотта. Сюжет европейского исторического романа, по модели В. Скотта, основан на истории вымышленного персонажа, исторические лица появляются лишь на периферии. В свою очередь, в русском историческом романе в качестве главного героя выступает какая-либо известная историческая личность [7, с. 419].

Другим новым элементом исторического романа является наличие исторических примечаний с точными библиографическими указаниями. С появлением исторического романа примечания помещаются в конец текста с целью подтверждения историографического статуса произведения. Историческая информация, содержащаяся в примечаниях, дает некоторые указания на тип читателя, к которому автор обращается. Русский исторический роман возникает как ответ на появление новой широкой аудитории, желающей знать и даже участвовать в создании собственной истории. Новый тип читателя, «провинциальный и простоватый, и обеспечил успех историческому роману... Процесс широкой “романизации” провинции начинается в России именно с исторического романа. А сам исторический роман приспособляется к потребностям своих читателей» [Там же, с. 425-426]. В России реакция на «прививку историей» оказалась иной, более острой, чем на Западе. Е. Н. Пенская указывает, что именно в эти годы, конец 1820-х, появляется понятие «историзм» [6, с. 424]. Именно нарратив, не столько в форме абсолютного вымысла, сколько в форме дневников, писем, мемуаров и, наконец, исторического романа, оказался наиболее отзывчивым на сформировавшийся запрос той эпохи. В свою очередь, исторический роман стал кульминационной вершиной нарративно оформленного культа истории.

В первой трети XIX века как в России, так и в Европе описанные нами различные стилевые нормы исторического письма в виде совокупности определенных приемов и направлений рассматривались как разновидность исторического рассказа. Здесь если и преобладает нарратив, то нарратив литературный, где на первое место выходят такие категории, как интрига, мотив и сюжет. Акцент смещается на вымышленное прошлое, как авторов, так и читателей больше интересуют сюжеты возможного, нежели реально происходившего. По большей части весь нарратив этого периода выстраивается по модели «вальтер-скоттовских» романов, где в основе сюжета – история вымышленного персонажа. Такая модель все больше уводила повествование в сферу возможного, нежели действительно существовавшего, такое положение дел вынуждает говорить не столько об историческом нарративе, сколько о нарративе художественном, в котором ведущая смыслообразующая и текстопорождающая роль принадлежит вымышленному, нежели реально существовавшему событию.

Заключение

Таким образом, обозначим основные выводы. Трансформация исторического повествования в России рассматриваемого периода подчинена общей формуле: движение исторического повествования от легендарно-эпического прошлого к вымышленному прошлому исторического романа. В какой-то мере данная формула характерна и для западноевропейской исторической мысли, но с небольшими оговорками. В рамках западноевропейской философии истории во второй половине XIX века мы наблюдаем усиление критики повествовательного характера истории. Рассказ был дискредитирован и вытеснен позитивистским взглядом на историю, на первый план вышла попытка научного обоснования истории. В рамках отечественной традиции смыслообразующими формами исторической наррации все же оставались эго-документы, с одной стороны, и исторический роман – с другой. Дневники, письма, мемуары и др. оставались незаменимым источником и инструментом для историка.

Очевидно, что перехода от воображаемого прошлого к строгой объективности исторической науки в рамках отечественной исторической мысли в явной степени не произошло так, как это произошло в рамках западноевропейской традиции. История, так или иначе, осталась в руках «просвещенного дворянства», осмысление и описание значимых исторических событий отражено в большей степени в эпистолярном наследии, нежели в научных трактатах. Отечественная историческая мысль не теряла связи с нарративными стратегиями повествования, в данном случае уместно говорить о преобладании литературного творчества над строгой научностью.

Направление дальнейших исследований определено необходимостью более детальной проработки коммуникативной составляющей выделенных жанровых форм исторического повествования. Перспективным видится необходимость дальнейшего прояснения вопроса о функциональных особенностях, прежде всего, нарративов личного происхождения в рамках построения новых стратегий исторической коммуникации.

Список источников

1. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX века). М.: Наука, 1985. 271 с.
2. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
3. Дмитриев А. Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 9-32.
4. Каменский А. Б. У истоков русской исторической науки: Г. Ф. Миллер // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 33-51.
5. Парсамов В. С. Карамзин и формирование исторической культуры в России: к проблеме «историк и аудитория» // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 219-234.
6. Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418-474.
7. Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х годов XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416-433.
8. Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58-68.
9. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия) // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 6-13.
10. Тюпа В. И. Логос наррации: к проекту исторической нарратологии [Электронный ресурс] // Narratorium: электрон. журн. 2015. № 1 (8). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (дата обращения: 18.02.2021).

Информация об авторах | Author information

Эльдарион Артур Артурович¹, к. филос. н.

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет, г. Владивосток

Eldarion Artur Arturovich¹, PhD

¹ Pacific State Medical University, Vladivostok

¹ arthorius_mag@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): исторический нарратив; эго-документы; исторический роман; историческое сознание; historical narrative; ego-documents; historical novel; historical consciousness.